

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

С-3491

№ 127 (2718)

Воскресенье, 31 декабря 1950 г.

Цена 40 коп.

ЗА ДРУЖБУ, ЗА ЛЮБОВЬ, ЗА ТРУД!

И мы не те, и Русь не та, и свет над ней не тот. Смыкает времена вода за годом новый год.

Ник. ГРИБАЧЕВ

И нам вослед на этот свет идут, что год, быстрее, Китай — великий наш сосед, восток Европы всей,

по тонам, чащам и снегам, грома врага в бою, сшепчат Корея и Вьетнам в свободную семью.

Да, мы, вступая в Новый год, припомним и о том, что тучи засыплют горизонт, что черен Белый дом,

что словоч не перевелась в иных краях пока, что у нее в руках и власть и доводы штыка.

Но не она кует штыки, снаряды к пушкам лет, и ей войной материни не даст поджечь народ,

и слово «МИР», родясь в Кремле, на гребне трудных дней, рождает силу на земле, что всех других сильней.

А нас — нет, нас не запугать и пугалом войны, а нам не в первый раз стоять за честь родной страны,

привыкли к пушкам и станкам и в видим цель одну, и, что б там ни было, — в им ктти ко дру!

Предвидим: зори тех знаний, что поднял наш народ, зажжет над всей планетой он, шестидесятый год!

Все ближе полночь. Сумрак сиз. Шумит в полях зима, у светлых окон вверх и вниз снежинок кутерьма,

и стрелки сходятся: вот-вот полвека на часах пробьет.

Так встанем рядом, земляки, поднимем, стоя в рост, всем расстояниям вопреки общепарадный гост —

за Ленина! Он вел народ дорожку прямой, встречая века первый год атаки грозной.

За Сталина — отца страны! Он нас в трудах растил, он вывел нас из бурь войны и к счастью путь открыл.

За партию! За наш народ! За новый день! За Новый год!

возвел с надеждой и тоской, с великою мольбой, чтоб приработок хоть какой добыть еще зимой,

чтоб на соломе выжил скот, чтоб не проесть семян, чтоб в меру был дождливым год на благо россиянам...

А за окном снега да мгла, лишь в речке треснет лед, да вьюга над судьбой села отходную поет,

да волчьей свадьбой долгий вой волной накатишь тьма, как будто плачет за избой, рыдает жизнь сама,

да меряя устало ширь завьюженной земли, уходит лучше в Сибирь, как декабристы шли,

и ради счастья всех живых на вычербленный пол в тюрьме сползает большевик, расстрелянный в упор...

Так, кровью окропив восток, у русских сел и рек, слеп, беспощаден и жесток вставал двадцатый век,

и только ленинских идей звучал набат во мгле по всей измученной, по всей летящей в ночь земле.

Прошло полвека. Сумрак сиз. Шумит в полях зима, у светлых окон вверх и вниз снежинок кутерьма,

качает ветер провода, трещит на реках лед, а мы — не те, а Русь — не та, и мир вокруг — не тот!

Найди на карте то село — кто удивится в нем, что есть достаток, что светло и ночью, словно днем?

Что стужу серп забыл к хлебан, коса — тропу к овсам,

что пахнет трактор, а комбайн жнет и молотит сам?

Что правят судьбами страны, умны, смелы, сильны, рабочих лучшие сыны, колхозников сыны?

И не о том сегодня речь, нет, не о том одном, чтоб хлеб скопить да рубль сберечь, держать в порядке дом.

На этом новом рубеже решают всем селом, чтоб и само село уже определять на слом,

чтоб там, где тридцать лет назад давила даль тоской, встал в самом деле город-сад с культурой городской,

чтоб стать везде, в труде любов с научным нарванем, чтоб полной чашей — каждый дом, любой — по всей стране!

Так мы ж и вправду dorosли, чтоб все свершить мечты, чтоб изменить родной земли приметны и черты,

чтоб новый путь Аму-Дарья избрали навсегда, чтоб Волга — рекама в поля и током в провода,

чтоб степи юга обводнять, в пустыню жизнь вдохнуть, чтоб все моря объединить в один великий путь,

чтоб, где прижмем, — встать лесам, где скажем, — зреть плодам, чтоб покорились климат сам творцам-большевикам!

Все для великой цели той — искания, труд, борьба, кипелье плавы скорости, стеною, в рост, хлеба.

Кто скажет, будто нам легко, сорвет наверх, но мы шагам далеко, а видим — на века!

Прошел совсем недолгий срок, а будто целый век — так много и пошел, и смог советский человек,

и вот — просторы огляди: встал Коммунизмом впереди шестидесятый год!

Творческие планы советских писателей

Конст. ФЕДИН

Я продолжаю работать над романом, действие которого относится к начальному периоду Великой Отечественной войны и происходит в центральных областях России.

П. ПАВЛЕНКО

Каковы мои планы в 1951 году? Планов не так уж много, я бы даже не говорил о них во множественном числе.

Я (не знаю, хорошо это или плохо) принадлежу к числу тех, кто «думает рукой». Пока я не начал писать, мне почти ничего не видно, кроме, конечно, основной темы.

Я все это понимаю, но ничего не могу подгадать, — роман о борьбе за мир уже формируется где-то в глубине сознания, вопреки всем моим опасениям.

Роман о борьбе за мир, естественно, должен коснуться зарубежных стран, в нем должны действовать иностранцы, а нет ничего труднее, чем писать о людях других стран, о чужих городах, о чужом быте.

Я все это понимаю, но ничего не могу подгадать, — роман о борьбе за мир уже формируется где-то в глубине сознания, вопреки всем моим опасениям.

Леонид ЛЕОНОВ

В будущем году буду работать над романом. Трудно подробно рассказать сейчас о его содержании. Это будет книга о лесе.

Б. ЛАВРЕНЕВ

В предстоящем году я буду занят работой над двумя пьесами.

Первая из них посвящена Лермонтову. Действие ее начинается в дни дуэли и смерти Пушкина и заканчивается гибелью

Лермонтова, т. е. относится к последним четырем годам его жизни. Я думаю закончить эту пьесу в марте с тем, чтобы она могла быть поставлена к 110-й годовщине со дня смерти поэта, исполняющейся в июне 1951 года.

Вторая пьеса — «Наследство» — о советской семье. Но не о бытовом ее укладе, а о том, как молодое поколение должно не растрачивать, а сохранять традиции семейных устоев, традиции настоящей большевистской семьи.

Одновременно я буду заниматься публицистической и критической работой в периодической печати, как я это делаю всегда.

Мухтар АУЗОВ

В истекшем году я закончил первую книгу нового романа «Ага акын» («Отец акынов»), посвященного жизни, борьбе и поэтической деятельности великого казахского поэта Абая.

Русский перевод романа будет опубликован в журнале «Знамя» в первой половине 1951 года.

В минувшем году я совместно с группой казахских литературоведов закончил большую работу по составлению и редактированию второго тома истории казахской литературы.

В предстоящем 1951 году я намерен закончить вторую книгу романа «Ага акын».

В. КАТАЕВ

После появления критических статей, справедливо указавших мне на недостатки моего романа «За власть Советов», я в письме в редакцию «Правды» заявил, что считаю для себя делом чести исправить эти недостатки.

Работа приближается к концу. В январе я вынесу ее на суд писательской общественности и редакционного совета Детиза.

В наступающем году я надеюсь приступить к новому роману — о большом строительстве, одном из крупнейших сооружений сталинских пятилеток.

Андрей УПИТ

Истекший год был насыщен событиями мирового и исторического значения: борьба между силами демократии и реакции предельно обострилась.

Как и все советские писатели, я стремился принять участие в широком движении миллионов за мир. В наших газетах публиковались мои статьи о борьбе народов, в частности латышского, за прочный мир, за народную демократию.

С самого начала моего литературного пути моя писательская и общественная деятельность протекала по трем руслам. Это — публицистика, история и теория литературы и беллетристика.

Весь год я был занят работой над романом «Пролетар» (о первых проробках классового сознания латышского пролетариата в девяностых годах прошлого столетия), а также занимался историей и теорией литературы.

Мои творческие планы в наступающем году? — Весной надеюсь закончить «Пролетар», предполагаю также написать давно задуманную статью «Литературная критика социалистического реализма».

Вера ИНБЕР

Несмотря на все трудности возвращения к давно оконченной вещи, я все же вернусь к своей поэме «Путь воды», чтобы исправить в ней недостатки, на которые мне правильно указала критика.

Первая часть этого цикла посвящена Ирану, вторая — Узбекистану. Для «Иранской части» написан новый большой поэтический кусок, для «узбекской части» — стихи. Уже написаны три новых стихотворения и подготавливается четвертое заключительное.

Я надеюсь, что весь цикл будет окончен в течение зимы. О результатах моих усилий пусть судят читатели.

Орден хранится в цехе

— Вот и последние листки календаря. Еще один год прошел. Хороший был для нас год, памятный. Пятилетку выполнили до срока, полгода удерживаем орден Ленина.

Интересна история этого ордена, на котором выгравирован № 2. Двадцать лет назад им был награжден Электростроитель, один из советских гигантов, переделан индустриализации.

Тогда и был передан Электростроителю заводу орден Ленина. Он стал знаменем, вдохновляющим тысячи людей на героические трудовые подвиги.

Всей стране известен цех радиоломп. Обширные, сверкающие чистотой залы. За столами, обрешеченными белой эмалью, сидят работники в белоснежных халатах.

— Год пятидесятый будет нам памятен — потрудились на славу, пятилетку давно выполнили. В бригаде нашей тридцать девушек и почти каждая имеет сегодня семилетнее или среднее образование.

Лидя Яковлева кончает электрорадиотехнику, созданный при заводе; Таня Серикова занимается в девятом классе школы рабочей молодежи; в этой школе учатся и Рая Ушакова, Лидя Давыдова, Тамара Панферова; я на ваочном отделении Московского энергетического института...

Приближается Новый, 1951 год. Творческая мысль стахановцев завода настойчиво искала новых путей для движения вперед. Наладчики цеха осветительных ламп Кириллов, Таран и Бабурич предложили сменное задание выполнять за семь часов, восьмой же час использовать для выпуска сверхплановой продукции.

У каждой бригады радиоломпового цеха есть световой щит — щит часового графика. На нем восемь электрических лампочек — по числу рабочих часов.

Семь лампочек горят на щите бригады Лидии Бакинской. До конца смены осталось около часа. Испытатель Зоя Курцына отсчитывает очередную партию готовых ламп и поворачивает выключатель. На щите вспыхивает восьмая лампочка — досрочно.

И девушки бригады новолноно обращают свои взоры на изображение ордена Ленина, висящее на стене. Лампы сверх плана — это их дар Родине, новозодный дар.

Издания 1951 года

Из года в год увеличивается в нашей стране издание литературы. Один только Гослитиздат выпустил в минувшем году 42 миллиона экземпляров книг — в полтора раза больше, чем в 1949 году, и в 12 раз больше, чем в довоенном 1940 году.

Массовыми тиражами в издательстве вышли отдельные произведения русских классиков и современных советских писателей, а также классиков мировой литературы.

Обширный план предстоит осуществить Гослитиздату в 1951 году. Будет печататься новое собрание сочинений И. Н. Толстого, продолжится издание собрания сочинений А. М. Горького.

Большое внимание уделено оформлению книг. Над созданием иллюстраций работают лучшие художники Советского Союза.

Закончились вечера бурят-монгольской литературы в Москве

С большим успехом прошли в Москве вечера бурят-монгольской литературы. Около 10 тысяч человек побывало на выступлениях писателей и артистов республики, которым москвичи оказали самый радушный и теплый прием.

Итогом проведения вечеров бурят-монгольской литературы в Москве было посвящено заседание секретариата Союза советских писателей СССР, состоявшееся 28 декабря.

Заместитель председателя Совета Министров Бурят-Монгольской АССР Г. Цанданжапов и председатель республиканского правления Союза советских писателей Ц. Галсанов, выступившие на заседании секретариата, выразили благодарность московским писателям за теплый прием в братскую творческую помощь.

Секретариат Союза писателей принял решение, в котором, отмечая успехи достигнутые бурят-монгольской литературой, подчеркнул необходимость в целях дальнейшего укрепления творческих связей, командировать через некоторое время в Улан-Удэ бригаду писателей для работы над переводом и критическим разбором новых произведений. Секретариат решил просить московское издательство художественной литературы рассмотреть вопрос о включении в их планы 1951—1952 гг. ряда книг бурят-монгольских писателей.

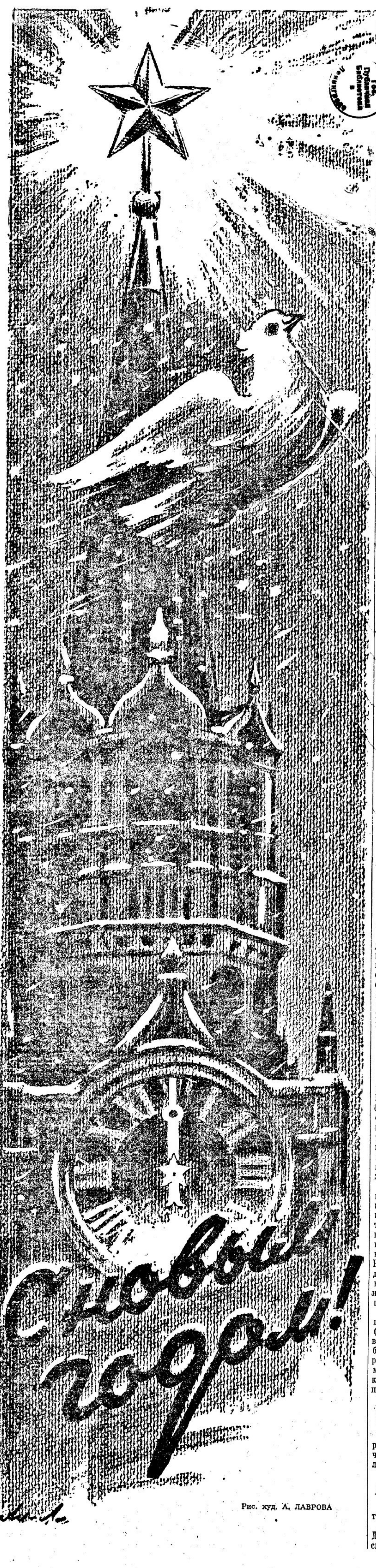

Рис. худ. А. ЛАВРОВА

Наступает самая веселая и шумная ночь в году. Ближе к полночи по деревням, в заводских поселках, в тихих маленьких городках заскрипит снег под ногами. На короткий час толпами пойдет народ по улицам больших городов.

Люди получили всенародную славу за хорошую работу, за которую их отпым в царской России, может быть, вынесла бы подвеса бедола на всю артель.

Вот моя фотография в газете «Латерн». ...По вель ты каторжник, бедный прощенный Алерн Хайтаун. Кто прикол тебе к твоей знаменитой тачке?

Из последних дней декабря в Кремле им были вручены пражские награды — ордена Ленина Мари Гордеевны и медали «За трудовую доблесть» Сергею Ивановичу. В кругу родных и друзей, накануне нового, 1951 года, они провозглашали за творческий труд. Фото В. МУСНОВА

На рубеже светлого дня

Я стою на рубеже нового дня и радуюсь его приходу. Радостью наполнены сердца не только чеки или словаца. Это чувство владеет сегодня поляком и болгарским, венгером и албанцем, румыном и китайцем — сотнями миллионов освобожденных от капиталистического рабства людей Европы и Азии, согревших светом кремлевских звезд.

Иван Скала, чехословацкий писатель. Уолл-стрит Тито и старый агент империализма Пий ХИ. Свободные народы идут вперед. Они познали великие блага ленинско-сталинской политики.

Народы услышали от мистера Трумана. Они пытаются заразить военной истерией тупиачих маршаллизованных стран, которых они лишили хлеба, а теперь лишают и спокойного сна.

Ефим Дорощ ЛЮБИТЕЛИ РАССКАЗ

Ветеринарный фельдшер и режиссер колхозного драматического Карпо Егорович Степуч, человек уже немолодой, страдающий ожирением, в славную на заглядывающей высокую смугловатую шапку и желаемом брызговом подпрыгивает нараспашку, с остервенением берет ручку телефона.

Карпо Егорович сел шапку, обнажив бритую голову, которая в сравнении с обветренным кирпичным лицом казалась грусто надувальной. На левом ланке грустного поджака пестрела ленточка медали «За трудовую доблесть».

Карпо, еще дурной. Ну что ты руками, я той витряк, машешь, что ты слова попусти ломаешь! Пьяного как надо играть? Встан! Соберись! Или выпьемки, да так, будто тебе невозможно это, а ты ико всецел старшаешь по одной половине пройтись.

Природа, зря, уможает в нас. Не только мощь и статность; с ростом храма Растет служенье духа и ума.

За стеной в фойе басом взвезада труба; тошенько и в разбойной заверзаша флейты; будто переключилась, каждая о своем, заговорили другие трубы оркестра.

сы, а Павло — на курсы механизаторов. Значит, до нас вернуться. Придется ждать? — Дождался я их, — сказал Карпо Егорович, заметив, что взгляд мой остановился на последней записке, — дождись, а только тем дело не кончилось. У нас же, когда не знаешь, до пропущенного года три колхоза было в селе. Никак не соберешь репетицию. Галя, скажем, — она звенялая лесовосческого звена, в лесу расчистку делает... Павло, тот бригадир тракторного отряда, со своим председателем трафик-маршрут составляет... Омелью или Ганна, — они ж в третьем колхозе, — удобрения возят... Пока договорились с председателем — время ушло.

Б. РЮРИКОВ

Над большой московской школой,
Над десятой классом «В»
Летит свет зари веселой
По рассветной синеве.

В этой школе я когда-то,
Поутру, в кругу друзей,
Осознал себя солдатом
Всей души и правдой всей.
И решенье в школьном зале
К нам в сердца пришло само —
Мы сидели и писали
Ворошилову письмо:
«Наше сердце так решило,
Так нам совесть говорит:
Ты пошли нас, Ворошилов,
Самолетом под Мадрид!»

Мой десятый класс далеко,
Потому что для меня
Детство кончилось до срока,
До положенного дня.
За войною, за войною
Темной ладошкой воды
Раскрошало ты со мною,
Где найду твои следы?
Ты ушло, не оглянулось,
Заспешило по живую,
И опять, опять вернулось
В школу дальнюю мою.
В этой школе я когда-то
Осознал солдатский долг.

«Утро. Год пятидесятый.
Подожли к столу ребята,
В школьном зале говор смолк,
Тихо, солнечно и рано.
У ребят глаза горят.
Телеграммы из Пхеньяна
Молча слушает отряд,
Завяли Ким Ир Сеня...
Бой на трудном рубеже...
Пролетела перемена,
На урок зовут уже.»

А они звонка не слышат,
У стола сойдясь грудой,
В школьном зале что-то пишут,
Как писали мы с тобой.

Над землей морозной рея
Жарким сполохом огня,
От Мадрида до Корея
Минуты время сквозя,
Наполняет сердце гулом,
Болью острой и живой —
В рукопашной под Сеул,
Под Мадридом в штаковой.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ
ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Мы с тобой, частенько бывая вдвоем,
Не умеем остаться одни,
В этот вечер опять залетели в наш дом

Со всего мироздания огня,
Ну-ка, свет гаси, телевизор выключи!
Ты ведь любишь вечерний уют,
Очень мудро придуманы эти дуды,
Что сегодня передают?

Песня вместе с певцом через легкий туман
Проступает виденьем сквозным,
Слашком узким нам кажется этот экран,

Нет, мы большее видеть хотим!
К нам зимою заходит весна на порог,
Запах целой плантации роз
Из вчерашних пустынь молодой ветерок

На невидимых крыльях донес,
Звезды, ветер, цветы — это все хорошо,
Эта часть бытия моего.

Но, друзья и подруги с открытой душой,
Вот что в жизни важнее всего,
К нам доходит погibasших солдат

Нас согрело дыханье живых,
С нами горы и реки, поля и леса,
Потому так прозрачен и тих
Этот вечер, когда мы с тобой вдвоем,
Только, выдвиг, совсем не одни.

Вновь до нас оружий доносится гром —
Нам святая тревога срочна,
Как болит, как пылает Корея во мне,
И клочок утра у сердца Вьетнама,
Вот в такой мы сегодня живем

тишине,
Вот к каким подошла временам,
В мир огня и тревог и суровых дорог

Мы с тобой распахнули окно,
Никакой телевизор принять бы не смог
То, что сердцу увидеть дано.

Из книги стихов «О любви и дружбе»

На рубеже Нового года, на рубеже полувека, перелистаем последние книжки журналов. Как широка «география» писательского внимания: мы читаем стихи Н. Грибачева о Коре, стихи А. Суркова об Англии, пьесу Г. Мдивани «Люди доброй воли» — о борцах за мир в Азии, роман М. Норадигма о южном Азербайджане, стихи М. Рагима об Индии и Г. Эминова о Бутане, стихи Л. Опаншина о странах народной демократии, публицистические очерки об Америке, Канаде, Германии...

С высоты исторических побед, одержанных социалистическим обществом, мы смотрим и в свое светлое будущее и на жизнь той половины планеты, что еще находится во власти черных, реакционных сил.

Борьба за мир, за социализм — это борьба за счастье человечества, которому угрожает озверевшее чудовище — империализм. Страшен облик города, уничтоженного войной. Улицы в развалинах, зеленые парки и сады вырублены или сожжены, на месте зданий, в которых бесечно рождались дети и работали люди, — обгоревшие руины. По развешенному обрушивающейся на людские души не такой же беспощадной, несущей смерть рукой, стремясь истребить все живое, светлое, радостное, превратить сердца людей в черные развалины, где не должно быть притока ничто смелое, честное, передовое?

На второй Всесоюзной конференции сторонников мира с блестящей речью выступила доктор медицинских наук М. Покровская. Талантливый советский микробиолог, она закрепила каннибальскую, чудовищную книгу американского фашиствующего ученого Теодора Розбери «Мир или чума». По мнению этого людоеда, заражение людей бактериями чумы — нормальный способ борьбы, и неважно, умрет ли человек легкой смертью или смертью мучительной: все равно он будет мертв; нельзя быть более мертвым, чем труп.

«Можно быть более мертвым, чем труп», — гневно отвечала М. Покровская поджигателю войны Розбери, — если умереть жалкой позорной смертью, как уже при жизни умерли в глазах всех честных людей мира.

В годы Великой Отечественной войны товарищ Сталин охарактеризовал фашистов как людей, лишенных совести и чести, людей с моралью животных. «Уже одно то, что в своей моральной дегенерации немцы захватчики, потеряв человеческий облик, давно уже падали до уровня диких зверей», — уже одно это обстоятельство говорит за то, что они обрекли себя на неминуемую гибель».

История повторяется — заокеанские фашисты и их поголовки снова пропаландируют мораль животных, снова предлагают забыть про совесть и честь.

В английском журнале «Райтер» писатель Джеральд Вернер в статье о поучительном названном «Броште гадости» поделился такими признаниями о реакционной литературе:

«Писатели как будто получают удовольствие, поругая своих героев в вымышленном мире... Распространяемый этими книгами злых пошлостей... Писатели создали собственный мир, из которого исключены честь, достойное поведение и вообще все здоровое. Это разваленный мир зарваное обдуманное насилия, холодной чувственности и всякого рода эсхеского».

Выгребная яма — это довольно точная характеристика того, что представляет собой сегодня капиталистическая мораль. С ростом военной истерии она становится все гадлее и гадлее, все более беззастенчиво бросает вызов всему человеческому. Говард Фаст пишет в своей статье «Литература и действительность»:

«Старый кодекс морали, действующий героев из Библии, святых из дурков, кумиров из сводников, философов из трусливых лакеев власть имущих, должен быть уничтожен».

Талантливый прогрессивный писатель говорит о великом истинном повороте моральных идей, подлинно человеческих духовных принципов — о социалистической морали.

Мораль — это соль творческого процесса, — говорит Говард Фаст. «Без моральных оценок литература не может существовать; замечает или не замечает художник, моральные критерии — это и есть тот цемент, которым он скрепляет разрозненные факты, собранные им из широкой панорамы жизни».

В этих словах заложена большая правда. Прогрессивное искусство всегда было носителем высоких нравственных принципов. Этические и эстетические принципы сливаются в нем неразрывно, взаимно оплодотворяя и обогащая друг друга. Величие и красота морального облика, раскрытые средствами искусства, делали художественно прекрасными образы передовой литературы. Раскрывая красоту борьбы за коммунизм, красоту творчества и воинского подвига, наша литература выступает перед лицом всего мира как провозвестница новой, коммунистической, общечеловеческой морали.

Если литературные лакеи империалистической реакции пытаются окружить ореолом красоты свои злодеяния в Коре, свои преступления в борьбе с прогрессивными силами, пытаются сделать положительного героя из насильника, бандита или палача, — советская литература гордо утверждает образ носителя новой морали, Человека с большой буквы, создателя и бесстрашного борца за новое.

Социалистическая действительность, весь строй советской жизни создают разносторонние черты человека. В его жизни и деятельности и стремление стала у нас типичной и массовой чертой: возвышенность, которая проявляется в героическом подвиге, и в самом обыкновенном деле.

Очень важно, что с каждым годом советская литература все шире и глубже охватывает мир трудовой деятельности людей самых различных профессий. Это не репорт профессий, не бесстрастное «принятие на учет» еще одной отрасли человеческого труда. Труд освещается светом поэзии, либо он показывается как целенаправленная, сознательная деятельность, охватывающая стремлением к великому социалистическому идеалу. Такова, например, деятельность колхозных пригонаторов Хакассии в повести А. Волженникова

«Живая вода», будничная работа стенографической артели в «Плавучей станции» В. Закрыткина, труд простых шоферов в «Волгетях» А. Рыбакова. В труде раскрываются человек, его новые высокие идейные и нравственные качества.

В альманахе «Год тридцать третий» (книга шестая) опубликована первая повесть эстонского писателя Федора Эйбаума «В курортном городе». Очень просто, ровно и мягко рассказывается в повести, что видел, что вспоминал и передумал в течение одного дня старый эстонский рабочий Хендрик Томингас, приехавший на прибалтийский курорт.

Старый рабочий вспоминает о событиях его жизни, которые разыгрались здесь же десять лет назад. Он вспоминает своего сына Хейно, судьба которого была безжалостной. Это случилось еще при кулацком правителе Пятесе. Мальчик кончил школу, с трудом нашел работу на фабрике, выпускавшей электрические элементы, но хозяин обанкротился и фабрика закрылась. В буржуазной Эстонии не нужны были молодые, сильные рабочие руки! Хейно отправился в Австралию искать счастья на лесных разработках. Там произошел несчастный случай: упавшим деревом юноше перебили руки, и он вернулся домой без гроша, с беспомощно висевшими руками.

«Руки, обе руки! Руки, которые выгибают кувалдой самую толстую листовую сталь, руки, которые наносят на чертёж тончайшие пунктирные линии, обнимают за талию девушку, приносят домой в конверте пену!».

Старый Томингас тяжело переживает страшную трагедию юноши, лишившегося места в жизни, ошутившего себя беспомощным и ненужным. Собрав последние семейные сбережения, едет он с сыном на прибалтийский курорт, и там его обрывает дельцы в белых халатах, сделавшие медицинский источник доходов. Они поманили надеждой на излечение, а забрали все деньги, отвернулись: дальнейшее их не интересовало. В довершение всех бедствий девушка, с которой были связаны лучшие надежды юноши, в сентиментальном, но безжалостном письме сообщила, что ей ничего не делать с человеком, которому не повезло.

«Жизнь уж так устроена, — она для сильных, удачливых», — пишет Хельми. Юноша кончает с собой — тут же, в комнате санатория, где померкли последние его надежды на будущее.

Старик-отец, бывший с юношей в те роковые дни, через десять лет снова попадает в курортный город. Но как все изменилось вокруг! Вместо барышника из медицины Тителсаена его встречает доктор Терас, который сам немало пострадал от барышников и теперь счастливы от мысли, что ему дано все, чтобы восстановить силу и здоровье людей. Вместо покосившейся раскопанной олеи, где прислуга услужливо суетится около богатых, — приветливая и радужная все время. Старик вдруг чувствует, как важно и для доктора, и для сестер, чтоб он хорошо отдохнул, подлечился. Только в старости Хендрик почувствовал, как нужен людям его труд, его мысль, его инициатива. Только в старости смутил он заботу о себе.

Он видит, как восстанавливают здоровье его товарищи, как фронтовики Демкин со своей покалеченной рукой стремится вернуть работоспособность. Он не отчаивается, ибо знает — все, что можно сделать для него, будет сделано. Родовые ванны, кварцевые установки, солонки — все эти слова стали в повести поэтичными, потому что речь идет о вещах, служащих человеку, созданных для того, чтобы давать ему силу и здоровье.

Читатель переживает горе старого эстонца — большое человеческое горе, тонко и проникновенно переданное Ф. Эйбаумом. По трагедии юноши, разыгранная десять лет назад, только подчеркивает, как изменилась жизнь, как изменился человек, ставший хозяином судьбы, как изменилось отношение к человеку.

Повесть Ф. Эйбаума, в которой ясный, чистый рисунок сочетается с благородной мыслью и мягким лиризмом, — свидетельство торжества новой, коммунистической морали, нового отношения к человеку, укрепившегося у нас. И когда старый Хендрик думает, как был бы счастлив его Хейно, живи он сейчас, с какой любовью и заботой отнеслась бы к нему Роланда, — в этом раскрывается уже вошедшее в быт, сделавшее привычным убеждение, что счастье стало естественным состоянием и человека и каждый имеет право на него, что человек в советской стране — это действительно, высшая ценность. Повесть Ф. Эйбаума — высокая человечность; пафос ее — гордость за человека советской страны.

У колыбели советской литературы стоял великий Горький, произведения которого помогали большевистской партии формировать моральный облик поколений русских людей. Книги Маяковского, Серафимовича, Фурманова, Шолохова, Островского, Фадеева играли и играют неопределимую роль в идейно-нравственном воспитании миллионов. И радостно видеть, как молодые писатели внимательно и чутко изображают процесс роста и укрепления в сознании масс принципов коммунистической морали. Она и привлекательных сторонности Ю. Трифонова «Студенты» — в том, что автор сумел создать светлую и чистую нравственную атмосферу, окружающую героев. Это не значит, что все действующие лица светлы и безгрешны. Нет, в повести действуют и преподатель Козельский с его холодным, эстетским взглядом на жизнь и искусство, с его «комфортным скептицизмом», эгоистичности и самолюбивый Сергей Палавин, Лена Меловская, испорченная матерью, считающей необходимым охранять девушку от забот и обязанностей. По Трифонову показан, как из нравственных качеств отдельных героев складывается нравственный облик коллектива. Коллектив влияет на каждого, и в каждый вкладывает свою долю в формирование коллектива.

«Есть много родов образования и развития, и каждое из них важно само по себе, но всех их выше должно стоять образование нравственное. Одно образование делает вас человеком ученым, другое — человеком светским, третье — административным, военным, политическим и т. д.; но нравственное образование делает вас просто «человеком», — писал в свое время Берклингский.

Истинная нравственность, — подчеркивал великий критик, — растет «из сердца при плодотворном содействии светлых лучей разума. Ее мерло — не слова, а практическая деятельность».

Веления разума в сознании наших людей объединяются с естественнейшими стремлениями сердца. Как требователен коллектив студентов — коммунистов, комсомольцев, беспартийных — к каждому члену коллектива, как нетерпимы для него малейшая фальшь, неискренность, нарушение принципов коммунистического отношения к человеку. Мы видим, как коммунистическая мораль стала великой активной, действенной силой.

Самовлюбленный, равнодушный к товарищам, не отдающийся делу всей душой и потому становящийся пустовещом, Сергей Палавин ощущается чужим человеком в строгой и чистой студенческой среде.

«Разговор идет крунее, — говорил Валдис Белов, гневно обличая в товарище недостойные качества человека черты, — об отношении к жизни. Надо ли дорожить настоящей работой, настоящим трудом, чувствами, дружбой, любовью и бороться за них, бороться за них на каждом шагу, не боясь трудностей... Или достаточно — как считаешь ты — только на словах подкапывать всем этим правильными идеями, а в глубине души посмеиваться над ними и жить по-своему? Жить легко, благоустраивая, выгодно... И только одно любит страстно, об одном заботится по-настоящему, талантливо, беззаветно, не жалея ни времени, ни труда, — любить себя, заботиться о своем собственном будущем. Так ты собираешься жить, Сергей? Так жить мы тебе не позволим!»

Потребительскому, эгоистическому отношению к жизни Сергея Палавина противопоставлено творческое, активное, хозяйское отношение. Сергей критикует сурово, но эта критика вызвана стремлением сохранить человека, сохранить не на основе уступок старому, чужому, а на основе нерушимых советских принципов морали. Коммунистическая мораль требует высокой принципиальности во всем.

Широкий круг интересов молодежи. Все волнует ее: угроза новой войны, великие события в Китае, борьба с чужими теориями в науке, работа завода, колхоза. Но это не интерес свидетеля, стороннего наблюдателя; молодой человек нашей страны хочет быть не зрителем, а участником событий великой эпохи, каждому присуще сознание своей личной ответственности за жизнь. Студентка лесного техникума Оля отказывается от окопной работы в батальонском саду в Москве и едет в Сталинградскую область, на лесозащитную станцию. «...И хочу самостоятельной, трудовой жизни». Молодежь говорит о радости, которая маячит впереди, светится путеводной звездой, наполяет человека силой и вдохновляет на подвиг. Это радость свершения. Вся жизнь с гигантскими масштабами задач, решаемых народом под руководством партии, укрепляет активное, творческое отношение к жизни и к характерное для коммунистической нравственности.

В нашей стране объединились две великие силы — народ и коммунизм. Коммунистическая мораль — это мораль общенародная, в ее принципах выражены коренные интересы миллионов людей. Высокая большевистская идейность, патриотизм, творческая активность, любовь к труду, глубокое уважение к человеку, творческое отношение к женщине — все эти черты нашей морали, укрепляясь в сознании людей, способствуют укреплению мощи и необходимости социалистического государства.

Волотить в полноценных образах красоту строителей коммунизма, носителей новой морали — значит укреплять эти новые отношения, делать их еще более массовыми.

Но справиться с этой почетной задачей нельзя без внимательного, чуткого отношения к новому в жизни, в сознании людей. Не надумывать «новое», а видеть ростки нового в реальной жизни, в повседневных, будничных отношениях!

Еще слишком часто посетитель нового предстает в произведениях литературы не как полный жизни, деятельный, духовно богатый человек, а как некое абстрактное существо, морализирующее, вместо того чтобы действовать. Так бывает, когда вместо полноценного, живого человека нам изображают дождливую, лишенную своеобразия, не имеющую живых черт, — у абстрактной схемы не может быть ни моральных качеств, ни красоты; безликая и бездушная, она не действует ни на сердце, ни на разум, если не считать того, что вызывает чувство скуки.

Советская литература — знаменосец и глашатай великих идей коммунизма, идей мира и демократии. Она оказывает огромное воздействие на мировую литературу, активно влияет на сознание миллионов людей и за рубежами нашей страны. Творчество литераторов страны социализма — вдохновляющий пример для писателей стран народной демократии, для прогрессивных писателей стран капитализма, и оно — сильнейшее оружие в борьбе с растленной идеологией и моралью старого мира.

А. А. Жданов говорил: «Конечно, наша литература, отражающая строй более высокой, чем любая буржуазно-демократический строй, культуру во много раз более высокую, чем буржуазная культура, имеет право на то, чтобы учить других новой общечеловеческой морали».

Учить новой, общечеловеческой морали — это значит раскрыть в образах величия и красоты социалистической действительности, противопоставить идеалам разрушения и смерти благородные идеалы творчества и созидания, показать, что муча и непобедима та страна, где жизнь стала источником невиданной красоты.

С Новым годом! С новым счастьем, товарищи! — восклицают молодые строители Московского государственного университета Александр Есеев, Лидия Николаева и Георгий Клевцов. Величественное здание университета поднимается высоко над Москвой, на Ленинских горах, там, где 122 года назад А. И. Герцен и Н. П. Огарев поклялись «помертвовать» мизантро по избранной нами борьбе». Вот они, потомки тех, кто отдавал свою жизнь борьбе за народное счастье! Может быть, лет пятьдесят спустя, переписывая номера советских газет, мы можем опередить время и заглянуть в их будущее. Сегодня они строят новое здание университета и учатся в школе рабочей молодежи. Завтра они будут учиться в университете, построившем своими руками, — они уже подали заявления о зачислении их на первый курс. И кем бы они ни стали — через пятьдесят лет — историками, физиками, литераторами, — им будет принадлежать вторая половина века, эпоха коммунизма. Фото В. МУСИНОВА

Творческие планы советских писателей

Анатолий СУРОВ

Трудно отчитываться перед советским читателем. Трудно, но и почетно! Как волнует и радует сознание, что ты творишь для своего народа, под строгим и требовательным наблюдением его и при его сердечной помощи! Литература и жизнь, жизнь и искусство — все связано иначе воедино, все устремлено в завтрашний день, все совершенствуется «по законам красоты».

Прошедший год — счастливый год! Написал сценарий о железнодорожниках. Написал к съемкам. В Москве идет в дух театраль «Рассвет над Москвой». Родился дружба с замечательным коллективом Театра имени Моссовета, с Ю. А. Заварским. Многому у него научился.

И все-таки, надо честно сказать, много неполноценный. Можно и должно было сделать больше, а главное — лучше. Подвоя баланс, обещаю читателям: 1951 год будет плодотворен. Заключу пьесу о Москве 1941 года. Заключу пьесу «Шарика страна моя родная». Нашину сценарий о трех поколениях советских женщин.

Вера ПАНОВА

Весь прошедший год я писала новый роман. Буду писать его еще год-полтора. Роман охватывает три года жизни одного небольшого советского города. Герои — их много. Горсоветчики, депутаты, партийные работники, рабочие, домохозяйки, школьники, милиционеры. Словом, те люди, которые живут и работают в каждом маленьком городе.

Я расскажу о том, как мальчишка, окончивший в время войны, нашел свою новую семью, как он выросла входит в жизнь, впервые идет голосовать 17 декабря 1950 года.

Жизнь города, жизнь этих людей, расцвет города, расцвет людей — душевный, умственный, волевой, вот о чем я хочу рассказать в своем новом романе.

Я радостно прожила минувший год. Пахлосясь безотлучно в кругу людей, которые вошли в книгу, выжила в их интересах, изучала, чем они занимаются. Теперь думаю за них, говорю за них на белых листах бумаги. Мне довелось увидеть очень хороший, светлый мир. Я жала с удовольствием весь прошедший год и радуюсь, что с этими хорошими людьми буду еще долго жить.

Б. ПОЛЕВОЙ

С волнением и радостью оглядываемся мы, советские люди, на пройденный год, завершивший первую половину XX века. Просто не перечислять всех замечательных событий, какими он был богат для нас, граждан великого социалистического государства.

Я рад, что этот богатый событиями год не пропел впустую и для меня. Опубликован и вышел книгой мой новый роман «Золото», над которым я, с перерывами, проработала около 5 лет.

Сейчас, на пороге Нового года, вместе со всеми советскими людьми радостно помечтать о своих новых, будущих работах. Великая сталинская эпоха, в которую все мы имеем счастье жить, эпоха вдохновенного трудового творчества и всесторонних побед коммунизма, дает нам, литераторам, богатейшие россыпи бесценного материала для наших работ. И мечтаю написать повесть о том новом, что ежедневно в ежесекунду рождается в нашей социалистической промышленности. Хочется обоб-

шить в ней результат своих знакомств с такими выдающимися мастерами социалистического труда, как Александр Чухрай, Николай Росинский, Павел Быхов, как ленинградский сценограф-изобретатель Иван Карпович и знающий уральский ставлар Петр Занка. Фоном для этой повести я избрал калининские текстильные фабрики, где я когда-то работал и возде которых протекло мое детство.

Трудно, конечно, судить, что может получиться из этого замысла, но сейчас, перед Новым годом, хочется верить, что эта повесть будет достойна замечательных тружеников сталинской эпохи, жизни которых она будет посвящена.

Антонина КОПТЯЕВА

В минувшем году я доработала для издания отдельной книгой свой роман «Иван Иванович», очень много выжила удачей стило, прояснил конфликт между доктором Аржановым и его женой Ольгой и характеру самой Ольги. Проще сказать: роман еще раз переписан заново с сохранением основного сюжета и характеров действующих лиц. Одновременно я работала над второй книгой задуманной мною трилогии «Дружба», где Иван Иванович будет показан вместе с коллективом воинского госпитала во время обороны Сталинграда. Летом и осенью я снова ездила в Сталинград, где встречалась с замечательными людьми, которые участвовали в великой битве на Волге. Сейчас, став в производство первую книгу, я полностью переключилась на вторую книгу трилогии; продолжая сбор материала, обращаюсь к москвичам-сталинградцам, к хирургам Научно-исследовательского института имени Склифосовского, нейрохирургического института им. Бурденко и Главного военного госпиталя.

Работаю много и с напряжением; тема очень серьезная, считаясь здесь невозможной, поэтому закончить новый роман скоро не обещаю. Самый ближайший срок — декабрь нового года.

Галина НИКОЛАЕВА

Главная работа прошлого года была связана с романом «Жатва». В наступающем году пишу подготовку к новому роману. Он будет посвящен колхозному строительству, нашему приближению к коммунизму. Я хочу рассказать о том, как происходит укрупнение колхозов, как механизмуется колхозный труд.

Я хочу изобразить жизнь сегодняшней деревни во все более тесной связи с городом, хочу показать работу промышленности, деревни, научно-исследовательских институтов как одно неразрывное целое, показать, как складывается сельский труд с промышленностью и наукой.

В этой книге будут действовать и прежние герои и новые лица.

В будущем году мне придется много ездить, причем не только по колхозам. Я хочу ознакомиться с работой Министерства сельского хозяйства, с сельскохозяйственными научно-исследовательскими институтами.

Работа над новым романом, отведя, потребует от меня целой «пятнадцатки».

ОКОНЧАНИЕ ВЫСЫЗВАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ОБ ИХ ТВОРИТЕЛЬНЫХ ПЛАНАХ В СЛЕД. НОМЕРЕ

